

ОЦЕНОЧНОСТЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ

Статья посвящена исследованию оценочной семантики цветолексем. Оценочность рассматривается как проявление закона поляризации значений. Сопоставление цветолексем из родственных и неродственных языков показало общие истоки оценочности, ее глобальный характер, бинарность, а главное – идентичность исторически развитого оценочного диапазона.

Оценочность является неотъемлемым признаком цветообозначения. В русском языке нет ни одного цветового слова, которое бы не развилось в истории языка значения оценки. Изучению оценочной семантики посвящены исследования А. А. Потемни, А. М. Панченко, Н. Б. Бахилиной, Е. М. Иссерлин, Н. Ф. Пелевиной, А. Т. Хроленко, Т. А. Павлюченковой, Т. Е. Никулиной, О. Энхдэлгэра и других филологов. Наиболее полно, на наш взгляд, разработка оценочного компонента в семантической структуре цветового слова осуществляется в современной лингвистической семантике Р. В. Алимпиевой [1, 2].

В данной статье излагаются основные результаты концептуального исследования оценочного компонента в семантическом пространстве цветообозначений (полностью материалы научного анализа опубликованы в работе [3]). Научному анализу подвергнута лексика цвета русского и других языков, полученная методом сплошной выборки из 60 разнотипных лингвистических словарей, а также извлеченная из разноаспектных научных работ по цветовой семантике.

Научные разыскания в области оценочности цветолексем русского языка в сопоставлении с другими языками предполагают осмысление ряда семиологических вопросов, связанных с процессом генерации оценочной семы в семантическом пространстве цветового слова: каковы причины развития оценочной семантики, как соотносятся оценочная и цветовая семы в семантической структуре слова, каков характер генерации оценочной семантики, каковы результаты сравнения оценочности цветолексем в родственных и неродственных языках.

В настоящем исследовании ведущим является интегральный метод (оценочность изучается на материале семантического поля цвета), используются сравнительно-исторический, сопоставительный методы, метод компонентного анализа, а также метод семантических параллелей на внутриязыковом, межъязыковом и межсистемном уровнях.

Истоки оценочности следует искать в глубине веков, когда человек начал оценивать предметы и явления реального мира с точки зрения их пользы для поддержания жизненного цикла: «... свет – это хорошо, поскольку он, не мешая видеть окружающий мир, делает его неопасным; тьма же – это плохо, поскольку она скрывает мир за своим покровом и делает его опасным» [4, с. 478]; «Печь обеспечивала самым необходимым: она согревала, кормила, в ней варили пищу, выпекали хлеб, готовили корм скоту, мылись, на печке спали, лечились, сушили грибы и др.» [5, с. 139]; «...главным врагом людей здесь (в Древнем Китае) были реки. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как реки вздувались и выходили из бере-

гов» [6, с. 208] и т.д. Как показывают языковые факты, оценка носила полярный характер: все предметы и явления окружающего мира оценивались двояко. Оценочное значение вошло в семантическую структуру эволюционирующего слова как бинарная синкрета, включающая семы «положительной оценки» и «отрицательной оценки». Поскольку цветовая номинация носит посесивный характер, цветовая сема генерировалась в семантическом пространстве имени предмета-эталона цветообозначения. Ср. полярные значения слов-когнатов: др.-исл. *karl* «старец» – др.-сев.-герм. *kerling* «старая женщина», лтш. *garne* «тепло» – лат. *gelu* «холод», лит. *galvóžis* «карлик» – др.-польск. *golemszy* «бóльший», болг. диал. *чáрило* «красавец» – русск. диал. *чар* «о человеке, исхудавшем после болезни», русск. диал. *галь* «смех» – дат. *galle* «вред, боль», чеш. *háliti se* «звонко смеяться» – лит. *gelti* «болеть». В «культурной памяти» (Р. М. Гайсина) цветолексем сохраняется древнейшая оценка предметов и явлений реального мира. Например, укр. *красний* «прекрасный», «красивый», «хороший» и рус. (в фольклоре) *красная* (вода) – символ бедствия, несчастья, возможной смерти (ср.: чеш. стар. *krásnik* «красавец» – болг. диал. *краснѝк* «старый, больной человек»). Понятия рождались парами: высокий – низкий, большой – маленький, сильный – слабый, жизнь – смерть, мальчик – девочка и т.д. Все противоположное, соответственно, оценивалось: сильный – хорошо, слабый – плохо. Р. М. Гайсина, анализируя концепты СВЕТ и ТЬМА, выводит формулу оценочного компонента в семантической структуре имен названных концептов: СВЕТ – видно – неопасно – хорошо; ТЬМА – не видно – опасно – плохо [4, с. 478]. Регулярное и последовательное развитие противоположных сем, в том числе и оценочных, в семантическом пространстве слова нашло выражение в законе поляризации значений. Закон поляризации значений, выявленный В. Шерцлем, предполагает *эксплицитное или имплицитное наличие в семантической структуре слова полярных сем, которые вероятностно реализуются в процессе исторического развития*.

Оценочное значение находится в двух системных состояниях: эксплицитном и имплицитном [7]. Эксплицитностью/имплицитностью оценочной семантики объясняются трудности при выявлении полярных оценочных сем. Оценочные семы, закономерно генерированные в семантическом пространстве эволюционирующего слова, распределяются по разным источникам (современным языкам, их говорам, письменным памятникам, фольклорной лексике, фразеологическим словарям) и различно актуализируются в них.

В связи с эксплицитностью/имплицитностью оценочной семантики возникает необходимость в расширении аналитической базы с целью верифицированности научных результатов. Например, в русском языке преимущественно положительные оценочные значения развиты цветоименованиями *белый, красный, багряный, голубой, золотой*, преимущественно отрицательные – цветоименованиями *черный, серый, зеленый*. Фольклорные источники значительно расширяют границы фактического материала, и перед нами четко обозначаются следы более древней оценочности. А. Т. Хроленко так определяет ценность фольклорного материала для исторических исследований: «Фольклорный мир» стремится к полноте, замкнутости, устойчивости, и это обеспечивает сохранность в устно-поэтической речи той части лексики, которая утрачивается в обиходной речи» [8, с. 18]. Добавим к сказанному, что сохранившаяся в фольклоре лексика естественно сохраняет древнюю семантику, в том числе и оценочную. Следы более древней оценочности проявля-

ются, во-первых, в сохранении таких оценочных значений у некоторых цветолексем, которых в современном русском языке нет, а во-вторых, в сохранении полярных значений у некоторых из них. Т. А. Павлюченкова, исследовавшая цветовую лексику в языке русских былин, отмечает: «Эмоциональное отношение к называемым реалиям и их цвету выражается оценочными значениями, а также средствами контекста» [9, с. 12]. Русские былины сохраняют оценочность у тех цветонаименований, которые в современном русском языке их не реализуют: слова *румяный*, *желтый*, *зеленый* отмечены автором с положительной оценкой. Уникальный материал представлен для слова *черный*, которое в былинном эпосе, в отличие от современного состояния, является семантически полярным. Наряду с большим количеством значений, оценочно отрицательных, оно реализует, по предположению исследовательницы, положительные значения: «нарядный, праздничный» (в сочетании с существительными «шапка» и «шляпа») и «красивый» (в сочетании с существительным «брови»).

Т. Е. Никулина, изучавшая цветовую лексику в разных жанрах русского фольклора, отмечает исторически полярный характер семантики цветолексем в волшебной сказке: «В текстах волшебной сказки контекстуальные сдвиги значения у одного и того же прилагательного на фоне широкого контекста могут быть столь своеобразны, что приводят к развитию у слова энантиосемии. Например, в одном из контекстов волшебной сказки у прилагательного *красный* при определении им существительного *ступени* репрезентируется контекстуальное символическое значение, основывающееся на восприятии красного цвета как символа жизни; в другом контекстном окружении у данного прилагательного в сочетании с существительным *вода* репрезентируется, напротив, символическое значение какого-то бедствия, несчастья, возможной смерти (появление этого значения формируется у слова благодаря отождествлению красного цвета с цветом крови). Случаи развития противоположных символических значений отмечаются и у прилагательного *белый* (при актуализации им, с одной стороны, символического значения жизни, с другой – символического значения смерти)» [10, с. 12]. Последовательно проводя идею закономерного развития полярной оценочной семантики, мы квалифицируем проиллюстрированное явление как реализацию одного из двух оценочных значений, развитых в истории языка.

Полярные семы могут быть обнаружены в разных источниках, поскольку они имеют различную дистрибуцию в континуальном семантическом пространстве слова. Так, сему «отрицательной оценки» у лексики *рудый* сохраняет английское *red*, связывая представление о красном со смыслами «гнев», «недостаток денег», «опасность» [11, с. 205]. Перечисленные значения исторически обусловлены, генетически развиты и вероятно актуализированы. Слово *синий* в истории русского языка тоже развивает полярные значения: в современном фразеологизме *синий чулок* слово *синий* связано с отрицательной коннотацией – «сухая педантка, лишенная женственности и погруженная в книжные отвлеченные интересы» [12, с. 639], а в говорах русского языка слово *синий* в сочетании *синяя одежда* связано с положительной коннотацией – «праздничная одежда, даже и не синего цвета» [13, с. 184]. Болгарское *руд* со значением «красивый», литовское *raūdas* – «красивый» соответствуют русскому *рудити* – «оскорблять, позорить» [14, с. 639].

Исследователи памятников письменности и устного народного творчества отмечают, что цветовое и оценочное значения в семантике эволюционирующего слова не «сливаются»: они генерированы независимо друг от друга. Т. Е. Никулина пишет: «...в свадебных песнях... у всех проанализированных цветовых прилагательных в большинстве контекстных употреблений наблюдается актуализация эмоционально-оценочных коннотативных элементов положительной направленности при оттеснении на второй план цветовых значений (а иногда и полной редукции этих значений)» [10, с. 13]. О разграничении цветового и оценочного значений писал А. М. Панченко: «Употребление цветовых характеристик не обязательно должно приводить к созданию окрашенной картины» [15, с. 13].

Языковые факты показывают, что изначально оценочное и цветовое значения развивались самостоятельно, не вытекая друг из друга. Позже развитие цветообозначений в средство художественной выразительности привело к диффузности их семантики – к слиянию цветового, оценочного и символического значений. Следствием этого стало закономерное затруднение в разграничении значений. Более того, наблюдения над фольклорными и художественными текстами показывают, что одни цветолексемы имеют тенденцию на протяжении длительного периода времени выполнять чисто номинативную функцию, другие – полифункциональны за счет включения оценочной семы. Так, в примере, проанализированном А. М. Панченко, лексема *золотой* в составе прилагательного *златоверхий*, по нашему мнению, может с одинаковой степенью достоверности иметь как значение цвета, так и значение оценки: «Золото – олицетворение богатства, власти, и прилагательное «золотой», если оно указывает на цвет, а не на материал, тоже как бы лишено реального цветового значения. Есть одно любопытное подтверждение этому тезису: «златоверхий шатер» из Жития Александра Невского в живописном изображении... оказывается белым – следовательно, «шатер златоверхий» и «бел шатер, шатер белополотняный» могут рассматриваться как синонимы, вызывающие представления не о цвете, а о красоте, – или, скорее, о роскоши» [15, с. 12]. Не исключена возможность, что слово *златой* здесь может представлять значение «белый», генерированное на базе семы «светлый, сияющий».

На независимость оценочной и цветовой сем, из которых первая древнее, указывает глобальный характер оценочности. Оценивалось все. Проанализируем оценочные диапазоны, генерированные в истории русского языка словами *черный* и *красный*. Анализ семантики русского прилагательного *черный*, проведенный Д. Джумаевым [16], Т. Е. Никулиной [10] и О. Энхдэлгэром [17], позволяет определить оценочный потенциал цветоименования. В семантике слова *черный* сохранена оценка следующих предметов окружающего мира:

1) оценка людей:

- а) оценка их происхождения – «простой, незнатный» (черная кость, черные люди, черная девушка);
- б) оценка внешнего вида – «грязный, неопрятный, некрасивый» (черное лицо, черная девка) и «красивый» (черные брови);
- в) оценка духовных качеств человека – «злостный, низкий, коварный, плохой» (черная душа, черная совесть, черное сердце, черный дьячок);
- г) оценка труда человека – «физически тяжелый, грязный, не требующий особого умения, знаний» (чернорабочий);

2) **оценка тех или иных сил в обществе:** «вражеский, нехристианский» (черный царь, черный ворон), «реакционный, враждебный» (черная сила), «чародейский, колдовской, связанный с нечистой силой» (черная магия);

3) **оценка болезней:** «губительный, изнуряющий, смертельный» (черная смерть, черная оспа, черный мор);

4) **оценка предметов:**

а) оценка их назначения – «повседневный, ненарядный, будничный» (черные чеботы) и «нарядный, праздничный» (черная шапка, черная шляпа); «траурный» (черная завеса); «неглавный, подсобный» (черный ход, черный двор, черное крыльцо);

б) оценка количественная – «много» (будто черного-то лесу дремучего);

в) оценка впечатления на человека – «зловещий» (черные облака, черная река);

5) **оценка состояния времени, судьбы и т.п.:** «мрачный, беспросветный, тяжелый» (черная скука, черная судьба, черный день, черная жизнь).

Как видим, оценочный диапазон лексемы *черный*, генерированный в истории русского языка, очень широк. Оценивается все, потому что человеческая мысль способна и призвана оценивать, так устроено мышление человека. Видимо, оценка предметов реального мира тесно связана с процессами дифференциации. Оценка издревле носила социально значимый характер. Например, для выживания в жестоком мире природы человек должен был обладать определенными качествами, которые выделялись сразу же: сила, ловкость, рост и т.п. Сказанное еще раз свидетельствует о том, что оценочная сема в семантической структуре слова начала развиваться гораздо раньше, чем цветовая.

Исследуем оценочный диапазон слова *красный* по «Словарю русских народных говоров» [18, с. 189–196].

Слово *красный* сохраняет в своей семантике оценку следующих предметов реального мира:

1) **оценка человека:**

а) оценка значимости детей для родителей (красные (красны) дети, детки; сын и дочь, когда они единственные дети у родителей);

б) оценка благополучия (красный – «счастливый»);

в) оценка роста (красный – «большой»);

г) оценка силы, здоровья (красный – «здоровый, сильный»);

д) оценка деловых качеств человека (красный – «славный, известный», «деятельный, энергичный, способный»);

2) **оценка предметов:**

а) оценка внешнего вида – «красивый, прекрасный» (красный город, красный берег);

б) оценка качества – «лучший, превосходный» (красные куры (хорошие); красный лен; красные веревки – «резные столбы ворот»; красный день, денек – «ясный, погожий день»; красная изба – «изба с изразцовой печью, с трубой, с косячатыми (не волоковыми) окнами» и «светлица» и т.д.).

Оценочный диапазон диалектного слова *красный* широк и прекрасно иллюстрирует ценностные притязания человека, которые неизменны до сих пор: сила, здоровье, счастье, продолжение рода, энергичность, хорошие условия труда и жизни.

Итак, оценочный диапазон цветоименований *черный* и *красный*, самых активных, наряду с лексемой *белый*, в русском языке, констатирует глобальный характер оценочности: издревле оценивалось все, оценивалось двусторонне, и эта оценка далеко не всегда была связана с представлением о цвете.

Оценочность цветоименований присуща не только индоевропейским языкам. Языки других семей также отражают это явление. Так, по наблюдениям О. Энхдэлгэра, в монгольском языке оценочность у цветоименований не только есть, но и совпадает на определенных отрезках с оценочностью тех же слов в русском языке. Например, русское *черный* и монгольское *хар* имеют общие оценочные значения «злостный, низкий, коварный». Автор приводит примеры из русского и монгольского языков, иллюстрирующие оценочную аналогию:

- *черное дело* – *хар уйл* (подлое, худое дело);
- *черная душа* – *хар санаа* (коварная, подлая душа);
- *черная совесть* – *хар сэтгэл* (коварная, подлая совесть).

Монгольское *хар*, как и русское *черный*, используется для обозначения физически тяжелого труда:

- *черная работа* – *хар ажил* (грубая, физическая работа);
- *чернорабочий* – *хар ажилчин* (люди физического труда).

Обращает на себя внимание отсутствие в монгольском языке оценочных значений «мрачный, бесправный, беспросветный, тяжелый»: русск. *черная скука, черная судьба, черный день* и т.п. «Видимо, оценка подобных состояний и переживаний у монголов не является актуальной» [17, с. 11–14].

Русское *белый* и монгольское *цагаан* совпадают в оценочном значении «лучший, привилегированный»: *белая кость* – *цагаан ястан* (знатный, родовитый).

Расхождения в оценочных значениях связаны со смыслами «безобидный, добрый, священный» и «особенный, выделяющийся». Смыслы «безобидный, добрый, священный» в русском языке не актуализируются лексемой *белый*, а в монгольском языке актуализируются лексемой *цагаан*:

- *цагаан хун* (белый человек – добродушный человек);
- *цагаан уйлс* (белые дела – добрые дела).

В русском же языке, в отличие от монгольского, цветолексема *белый* реализует значение «выдающийся, особенный»: *белая ворона*.

Сопоставление семантики русского цветообозначения *красный* и соответствующего ему монгольского *улаан* показывает, что названные лексемы реализуют в этих языках противоположные оценочные значения. Смыслов с положительной оценкой «красивый», «яркий», «праздничный», «ценный», «лучший» и подобных, которыми проникнута вся история слова *красный* в русском языке, нет в истории монгольского слова *улаан*, которое передает там лишь смыслы с отрицательной оценкой – «алчный, жадный», «бедный, без денег», «сухой, пыльный» (о буре).

Родственный монгольскому туркменский язык, по наблюдениям Д. Джумаева, также имеет цветоименования с оценочными значениями. Русское *черный* и туркменское *гара* имеют следующие общие оценочные значения:

- «простой, неквалифицированный, не требующий особого умения, но в то же время тяжелый, изнурительный» (*черная работа* – *гара иш*; *чернорабочий* – *гара ишчи*);

- «не вызывающий одобрения, вызывающий осуждение, плохой, отрицательный, предосудительный» (*черный список – гара список*);
- «низкий, злостный, коварный, дурной, злой» (*черные мысли – гара пикирлер; черное дело – гара ши*);
- «мрачный, безотрадный» (*черный день – гара гук; черная жизнь – гара дурмуш*);
- «простой, необразованный, неграмотный» (*черный народ – гарамаяк халк*).

Туркменское *гара* имеет еще ряд оценочных значений, которых нет в русском языке:

- «очень сильный» – *гара ягы* (сильный, закоренелый враг);
- «сильный, большой, огромный» – *гара гайгы* (сильное беспокойство);
- «плодородный» – *гара топракы ер* (плодородная земля);
- «несправедливый, неверный, лживый, преступный» – *гара девур* (несправедливое, лживое время);
- «большой, крупный, огромный, громадный» – *гара мал* (крупный рогатый скот), *гара гуйч* (огромная физическая сила) [16, с. 16–19].

Примеры можно продолжать. Обратим только внимание на современное туркменское *гызыл* (русское *красный*), которое в отличие от русского языка имеет следующие оценочные значения:

- «здоровый» – *гызыл йузли адам* (здоровый человек);
- «сильный, возбужденный, способный совершать подвиги» – *гызыл от болмак* (стать сильным, возбужденным);
- «молодой, неопытный, по молодости» – *гызыл энек йигит* (зеленый юноша).

Заметим, что последнее значение в русском языке передается словом *зеленый*.

О. Т. Молчанова для общетюркского *ак* (русское – *белый*) отмечает оценочные значения «честный», «прекрасный», «великолепный», «величественный» [19, с. 39].

Анализ фактического материала языков других семей показывает, что цветоименования в них так же, как и в индоевропейских языках, проявляют оценочные значения, часто совпадающие на каких-то участках семантического пространства цветолексем.

Итак, сравнительный анализ оценочной семантики цветолексем русского языка и других родственных и неродственных языков позволяет сделать следующие выводы:

1. Основой оценочности является способность человека двусторонне оценивать реальный мир. Бинарная семантическая модель, закономерно развитая в семантическом пространстве цветолексем, детерминирована соответствующей ментальной моделью «хорошо – плохо → положительный – отрицательный».
2. Глобальный характер оценочности, не связанный с семантикой цвета, свидетельствует о независимой исторической генерации оценочной и цвето-вой сем.
3. Сравнение оценочной семантики цветолексем русского языка с другими языками, в том числе иносистемными, показывает последовательность и регулярность в развитии оценочности, ее глобальный характер, ярко выраженную полярность, а главное – идентичность исторически развитого оце-

ночного диапазона, отдельные фрагменты которого нередко апплицируются, что в целом подтверждает закономерный характер генерации оценочного компонента в семантическом пространстве слова.

4. Полярные оценочные семы пребывают в двух системных состояниях: эксплицитном и имплицитном. Одним из условий расширения аналитической базы является обращение к разным источникам (фольклору, диалектному материалу, фразеологическому словарю, данным родственных языков). Полярные семы могут быть актуализированы в разных языках-когнатах (ср.: болг. *руд* «красивый» – лит. *raiðdas* «красивый» – рус. *рудити* «оскорблять, позорить»). Межязыковая семантическая поляризация свидетельствует о том, что закон поляризации значений действует как минимум в границах языковой семьи. Межсистемные семантические параллели позволяют предполагать универсальный характер этого закона.

5. Анализ оценочного компонента в семантическом пространстве цветолексем позволяет выявить следующие тенденции в его эволюции:

а) одна из полярных оценочных сем редуцируется (в современном русском языке почти нет цветообозначений, сохраняющих полярные семы);

б) налицо преимущественная актуализация одной из полярных сем (в русском языке в разных источниках преимущественно актуализируется сема положительной оценки; дистрибуция полярных сем показывает, что сема отрицательной оценки актуализируется преимущественно цветообозначениями *черный, серый, зеленый*, сема положительной оценки – цветообозначениями *белый, красный, багряный, голубой, золотой*).

Список литературы

1. Алимпиева, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: на материале прилагательных-цветообозначений русского языка / Р. В. Алимпиева. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 177 с.
2. Алимпиева, Р. В. Лексема *прекрасный* в эстетической системе А. С. Пушкина и ее этнокультурный аспект / Р. В. Алимпиева // Актуальные проблемы лингвистической семантики : сборник науч. трудов. – Калининград : КГУ, 1998. – С. 3–10.
3. Кезина, С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) / С. В. Кезина. – 2-е изд., испр. и доп. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – 304 с.
4. Гайсина, Р. М. Язык: философия, семантика, синтаксис : сборник избранных работ / Р. М. Гайсина. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – 620 с.
5. Бахвалова, Т. В. Предметно-оценочная лексика отопления в орловских говорах / Т. В. Бахвалова // Наследие академика Ф. И. Буслаева: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 190-летию со дня рождения ученого (Пенза, 16–18 апреля 2008 г.). – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 139–143.
6. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Изд-во АСГ, 2008. – 560 с.
7. Кезина, С. В. О двух системных состояниях значения / С. В. Кезина // Слово. Словарь. Словесность: социокультурные координаты (к 110-летию со дня рождения Н. П. Гринковой) : материалы Всероссийской научной конференции (15–17 ноября 2006 г.). – СПб. : САГА, 2006. – С. 112–115.
8. Хроленко, А. Т. Семантика фольклорного слова / А. Т. Хроленко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 140 с.
9. Павлюченкова, Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Павлюченкова. – М., 1984. – 18 с.

10. **Никулина, Т. Е.** Цветовые прилагательные в языке различных жанров русского фольклора : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Никулина. – М., 1989. – 16 с.
11. **Vivanca, V.** Cultural Perspective of the Chromatic Scale in the English and Spanish Languages / V. Vivanca // Актуальные проблемы изучения языка и литературы : материалы Всероссийской научной конференции (Абакан, 25–27 ноября 2002 г.). – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2002. – С. 203–206.
12. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1982. – 316 с.
13. **Мельниченко, Г. Г.** Краткий ярославский областной словарь, объединяющий ранее составленные словари (1820–1956) / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : Ярослав. обл. тип., 1961. – 223 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975. – 2000.
15. **Панченко, А. М.** О цвете в древней литературе восточных и южных славян / А. М. Панченко // ТОДЛ. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – Т. 23: Литературные связи древних славян. – С. 3–15.
16. **Джумаев, Д.** Семантика прилагательных цвета в современном русском языке (в сопоставлении с туркменским) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Джумаев. – М., 1979. – 24 с.
17. **Энхдэлгэр, О.** Цветообозначения в русском языке (с позиций носителя монгольского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Энхдэлгэр. – М., 1996. – 18 с.
18. Словарь русских народных говоров / АН СССР; Ин-т рус. яз., Слов. сектор. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1965–2002. – Вып. 15.